

В четверг Шэнь Цзя отпра­сился в детском саду пораньше. День выдался особенный: семнадцатое июля, шестая годовщина их с Юй Сянханом свадьбы.

Зайдя в супермаркет «Юнхуэй», он набрал свежей рыбы, водяного шпината, черешкового сельдерея и пряной тушёной говядины.

Высокий, но болезненно хрупкий, он привлекал удивлённые взгляды прохожих: среди июльского зноя укутался в плотную кофту с длинным рукавом. Шэнь Цзя лишь опускал глаза, спеша домой с тяжёлыми пакетами.

Тёмные волосы длиной до плеч были перехвачены на затылке простой чёрной резинкой. На лестничном пролёте выбившаяся прядь упала на лицо, и он привычным жестом заправил её за ухо, обнажив бледный, бескровный профиль. Узкие прямые брови, мягкий изгиб глаз, создававший иллюзию вечной кроткой улыбки, точёный нос. Нижняя губа с отчётливой ложбинкой напоминала нежный лепесток — созданная для поцелуев. Впрочем, природная тонкость черт смазывалась: Шэнь Цзя казался увядшей, высохшей розой, полностью лишившейся сочных красок.

Поднимаясь на четвёртый этаж, он двигался легко и стремительно. О праздничном вечере в этом году он и помышлять не смел: последние два года Юй Сянхан наотрез отказывался отмечать годовщины, предпочитая ночевать в офисе. Но на этот раз муж сам предложил остаться дома.

Окрылённый этой неожиданной радостью, Шэнь Цзя торопился устроить приятный сюрприз, приготовив любимые блюда Сянхана. Но перед самой дверью, на которой всё ещё висели полинявшие новогодние парные надписи и иероглиф «Счастье», он замер, не успев достать ключи.

Дверь была приоткрыта. Сердце Шэнь Цзя ухнуло вниз, дыхание перехватило.

Вор? Или кто-то чужой?

А может, Сянхан тоже вернулся пораньше?

Едва он успел об этом подумать, из глубины квартиры донеслись звуки, от которых Шэнь Цзя оцепенел. Кровь отхлынула от лица. Несмотря на летний зной, пробивавший лбы прохожих липким потом, Шэнь Цзя обдало ледяным холодом.

Пакеты выскользнули из ослабевших пальцев и глухо упали на пол. Простояв в оцепенении несколько секунд, он дрожащей рукой осторожно толкнул дверь.

В прихожей в беспорядке валялись две пары обуви: строгие кожаные туфли Юй Сянхана и белые спортивные кроссовки. Их сбросили впопыхах, не заботясь о порядке.

— Быстрее, ну же... а-ах!

Раздался звонкий, откровенный хлопок плоти о плоть.

— Ты же говорил, твоему благоверному ещё два часа в садике торчать? — донёлся дерзкий молодой голос. — Что, поджилки трясутся?

И тут же последовал ответ его мужа — тот самый задыхающийся, страстный голос, который Шэнь Цзя слышал только в постели:

— Н-нет... Не трясутся. Он всё равно давно про всё знает... Слово против не скажет... А-ах!

Бесстыдные стоны перекрыл глумливый мужской смех:

— Надо же, какой тюфяк! Я тебя тут раком деру, а он давится и молчит?

Юй Сянхан ничего не ответил, лишь застонал ещё громче и бесстыднее.

Воздуха в груди Шэнь Цзя катастрофически не хватало. Лицо стало мертвенно-белым. Он перевёл взгляд с брошенных кроссовок в глубину квартиры.

Они были в спальне. На их общей супружеской кровати.

Окружающий мир поплыл перед глазами, точно потекший горячий воск. Софа в гостиной, обеденный стол, половые доски — всё исказилось, превращаясь в мутное месиво линий. Душа зашла в беззвучном, истошном крике, словно дикий зверь, в отчаянии терзающий собственное тело.

Шэнь Цзя вонзил ногти в ладони до боли, губы его затряслись. Он даже не понял, как смог бесшумно развернуться и выйти прочь. Когда сознание вернулось к нему, он уже сидел на скамейке во дворе.

Задохнувшийся в пакете судак замер и больше не бился. Помутневший белый глаз рыбы, казалось, с немым уколом уставился прямо на Шэнь Цзя.

Порыв вечернего летнего ветра донёс тяжёлый дух сырой рыбы. Шэнь Цзя опустил голову и медленно завязал полиэтиленовые ручки на узел. Нужно вставать. Нельзя тут сидеть: когда они закончат, он столкнётся с тем парнем лицом к лицу.

Но тело не слушалось. Он застыл на этой скамейке, словно та задохнувшаяся рыба.

Сянхан прав. Он действительно всё знал. И действительно оказался ничтожным тьюфом.

Когда он впервые наткнулся на игривую переписку мужа с незнакомцем, то сделал вид, будто ничего не заметил. После этого Сянхан перестал скрываться и переписывался с любовниками прямо при нём.

Когда из-под дивана выкатился порванный презерватив, Шэнь Цзя с натянутой улыбкой пробормотал, что это, должно быть, старый мусор, завалявшийся с давних пор, — хотя они не ложились в одну постель уже года три.

Случай за случаем, улика за уликой. Он всё понимал, но упорно разыгрывал комедию, будто в их семье всё благополучно.

Потому что был зависим от Юй Сянхана. Ему до судорог требовалось, чтобы человек, когда-то вытащивший его из ада, оставался рядом и продолжал его любить.

Закат окрасил небосвод в багрово-красные тона. Из подъезда вышел мужчина. Шэнь Цзя сразу узнал эти белые кроссовки.

Подняв взгляд, он попытался разглядеть соперника: успел заметить лишь породистый профиль, высокий рост да широкие, ладно скроенные плечи.

Моложе его. Сильнее. Увереннее в себе. Наполненный жизнью и дерзостью.

Слёзы сами собой покатались по щекам. В памяти невольно всплыли слова, которые Сянхан твердил ему в последние годы:

«У тебя всё тело в шрамах, да и лет тебе уже сколько? Кому ты сдался, кроме меня?»

И ведь Сянхан не врал. Шэнь Цзя и впрямь жалкий, никчёмный, безнадёжный. Он никогда не был достоин своего мужа, так какое право он имеет упрекать его теперь?

Он снова и снова убеждал себя: сам виноват. Сянхан и так сделал для него слишком много. Он спас его, взял в жёны, дарил любовь столько лет. Нельзя быть эгоистом и требовать, чтобы человек чах рядом с ним всю жизнь.

И всё же на дне души зрел крошечный, но жгучий комок обиды.

Ведь Сянхан обещал... Обещал любить вечно, обещал подарить настоящий, тёплый дом. Почему же на третий год брака всё рассыпалось в прах?

Сумерки густели. Впервые за все годы жизни в браке Шэнь Цзя почувствовал нежелание возвращаться домой. Подхватив пакеты, он поплёлся к круглосуточному минимаркету у выезда из жилого комплекса.

Внутри встретила приятная прохлада кондиционеров. Шэнь Цзя вздрогнул от неожиданного холода и забился в самый дальний, глухой угол за столиками.

В этот час магазинчик пустовал — время ужина, все разъехались по домам.

Через панорамное стекло он наблюдал за прохожими. Вот прошла семья: отец, мать и маленький сын. На плече мужчины болтался детский рюкзачок с мультяшным принтом, женщина держала мальчика за руку. Ребёнок что-то увлечённо тараторил, подпрыгивая на ходу, пока отец с хохотом не подхватил его и не усадил себе на загривок.

Их лица светились простым, незамысловатым счастьем. За толстым стеклом Шэнь Цзя не слышал их голосов, но чётко представлял, как им тепло и ладно вместе.

Он печально опустил веки. И в этот миг совсем рядом раздался низкий мужской голос:

— Эй, ты как? Живой?

Шэнь Цзя вздрогнул и повернул голову.

Напротив него сидел незнакомец в кепке и защитной маске. Несмотря на июльскую жару, тот кутался даже усерднее Шэнь Цзя. Из-под чёрного козырька выбивалось несколько ярко-рыжих прядей, а открытыми оставались лишь глаза — раскосые, с резким, хищным разрезом.

Едва их взгляды пересеклись, Шэнь Цзя испуганно отвёл глаза.

— Смотрю, сидишь тут с торбами, сам чернее тучи, — проговорил незнакомец. — С домашними посрался, что ли?

Он подвинул по столу баночку сока к Шэнь Цзя. Тот отдёргнул руки и спрятал их на коленях, так ничего и не ответив.

Парень не стал навязываться. Он лишь подпёр подбородок ладонью и уставился в окно. Шэнь Цзя нервно поджал губы, опустив голову ещё ниже.

— Я сам только что из дома сбежал после скандала, — тихо пояснил парень. — Смотрю, сидишь тут один, вот и решил перекинуться парой слов. Без всякого умысла.

Заметив, что Шэнь Цзя молчит, он поднялся, намереваясь уйти.

— А... из-за чего вы поссорились? — неожиданно для самого себя окликнул его Шэнь Цзя. Голос прозвучал робко, взгляд снова вильнул в сторону — общаться с незнакомцами ему всегда давалось с трудом.

Парень уселся обратно и со вздохом ответил:

— Да сестра взвалила на меня своего мелкого.

— Не хочешь сидеть?

— Да дело не в этом. Она хочет свалить в путешествие на целый год, а ребёнка на меня скинуть!

Шэнь Цзя нахмурился. Сработало профессиональное — воспитательское:

— А отец ребёнка где?

— А, она развелась. Бывший её — редкая мразь, ему пацана отдавать вообще нельзя. И руки распускал, и изменял — полный набор. Качественный такой ублюдок. Тут без вариантов — только развод.

На этих словах парень уставился Шэнь Цзя прямо в глаза. В его взгляде проскользнуло нечто странное, глубокое.

Шэнь Цзя вздрогнул. На мгновение показалось, будто этот разговор — намеренная провокация. Но, рассудив трезво, он отбросил эту мысль: они ведь видятся первый раз в жизни. Обычная паранойя.

— И... как ваша сестра решилась на развод? — спросил Шэнь Цзя, нервно теребя край кофты.

— Да просто уяснила для себя, что этот гад её больше не любит, вот и всё, — жёстко отрезал парень. — Раз уж он пошёл на предательство и грязь, вся их прошлая любовь — полная херня. Цена ей — грош в базарный день.

Парень произнёс это с такой лютой, нескрываемой ненавистью, что Шэнь Цзя опешил.

Заметив его замешательство, незнакомец сбавил тон:

— Когда понимаешь, что тебя не любят, смотреть на вещи становится проще. И решения

принимаются легко. В конце концов, развод — не конец света. Считаешь, что пора ставить точку, — просто скажи это вслух.

В душе Шэнь Цзя снова заскрёблось недоброе предчувствие. Чужак словно подталкивал его к шагу, о котором Шэнь Цзя боялся даже думать. Но ведь никто не мог знать о его семейном аде! Для всех вокруг они с Сянханом были образцовой парой.

— Прости, — парень слегка покашлял. — Из-за сестры меня на этой теме клинит. Чуть что — сразу закипаю.

Подозрительность Шэнь Цзя улеглась. Он понимающе кивнул.

Парень глянул на экран смартфона и поднялся:

— Ладно, стемнело уже. Вали давай домой, да и мне пора. Я сам сестру к разводу подталкивал, так что придётся теперь с племянником нянчиться.

Он уже повернулся спиной, но вдруг замер и снова оглянулся на Шэнь Цзя:

— И вот ещё что... Всю ту дрянь и обиду, что ты копишь внутри, нужно выплеснуть на того ублюдка, который тебя ранил. Пусть, сука, знает, какое он дерьмо.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— И поверь, в этом мире обязательно найдётся тот, кто тебя поддержит. Когда моя сестра уходила от мужа, все родные с кислой миной хоронили её жизнь. А я сказал: «С днём освобождения! Иди и ищи своё настоящее счастье».

Окинув Шэнь Цзя долгим, неопределимым взглядом, парень развернулся и стремительно вышел прочь.

«В этом мире обязательно найдётся тот, кто тебя поддержит...»

«С днём освобождения! Иди и ищи своё настоящее счастье».

Затопленная внутри обида, долгое время сжимавшаяся в крошечную точку, под воздействием этих слов надулась огромным пузырьём — и оглушительно лопнула.

Шэнь Цзя подхватил тяжёлые пакеты и пошёл к дому. Поднялся на четвёртый этаж и привычно отпер дверь.

Юй Сянхан выходил из ванной комнаты, вытираясь полотенцем. Увидев мужа, он недовольно нахмурился:

— Ты чего так поздно?

Шэнь Цзя промолчал. Он проследовал на кухню и опустил пакеты на стол.

Сзади донеслось раздражённое:

— Ты глухой, что ли? Чего молчишь? Я даже задерживать тебя не стал, а ты мне тут мины корчишь!

Шэнь Цзя стоял спиной к нему.

И как он раньше этого не замечал? Почему закрывал глаза?

Эта постоянная раздражённость в голосе... Извечные упрёки в том, что у Шэнь Цзя «похоронное выражение лица»... Привычка первым делом бежать в душ, едва переступив порог...

Трещины появились не сегодня и не вчера. Они ползли по их жизни годами — задолго до того, как он поймал Сянхана на предательстве.

Муж больше его не любил. Да и не любил уже очень, очень давно.

Шэнь Цзя сделал глубокий, судорожный вдох. Решение, зревшее где-то в глубинах подсознания, наконец вырвалось наружу.

Он медленно повернулся к Юй Сянхану и тихо, но чётко проговорил:

— Сянхан. Давай разведёмся.

<http://bllate.org/book/19971/1985730>